

Российская Академия наук
Институт философии

Ася Сыродеева

МИР МАЛОГО
Опыт описания локальности

Москва
1998

1998

ББК 15.56
С 95

Рецензенты:

доктор филос. наук *Н.Н.Козлова*
доктор филос. наук *В.А.Кругликов*

С 95

Сыродеева Ася

Мир малого. Опыт описания локальности. — М., 1998. — 124 с.

Пространственно-временная фрагментарность, контекстуальность, случайность, ироничность фактически составляют оттенок современной социокультурной ткани, определяемый в предлагаемых эссе как локальность. Привлекая философский, социологический, психологический, литературно-поэтический материал, автор рассматривает вопросы о контурах данного феномена, обстоятельствах его актуализации, потенциальных возможностях. Повествование ведется в стилистике, соразмерной и созвучной характеру описываемого феномена. Особое место отводится взаимосвязи локальности и принципа целостности, очерчивающей круг надежд и опасений, которые современники связывают с миром малого.

ISBN 978-5-458-65469-2

©А.Сыродеева, 1998

©ИФРАН, 1998

Предисловие

Настоящее издание объединяет тексты по теме «Локальность» за достаточно продолжительный период. При этом в ходе работы ощущения исчерпанности тематики не возникало, возможно, потому что сам предмет тем временем жил, откликаясь на происходившие сдвиги в социокультурном контексте, видоизменялся и подсказывал новые сюжеты.

Рабочим для приведенных ниже текстов стало представление о локальности как о феномене, «собирающем» целый ряд современных социокультурных тенденций: в их числе пространственно-временная фрагментарность, плюралистичность, контекстуальность. Будучи своеобразным социальным синонимом этим тенденциям, локальность не столько их обобщает, сколько делает явным то, как они намекают друг на друга, взаимодействуют, выступают составляющими достаточно заметного оттенка современной социокультурной ткани. Являясь своего рода пучком векторов нашего времени, локальность представляет собой образование, с одной стороны, трудноопределимое, а с другой — легко узнаваемое во многом. Ее по праву можно считать настроением, характеристикой социокультурной атмосферы второй половины XX столетия.

Позади остался тот период, когда локальность утверждала себя как еще только намечающийся акцент, когда аспект противостояния, противодействия и в разговоре о ней и в ее собственном содержании был отчетливо выражен. Ныне «спорящие стороны» отказались от установки на уничтожение противника. Дискуссии стали более конструктивными — на повестку дня все чаще выносятся конкретные вопросы реального функционирования локальности.

И все же некоторые вопросы не утрачивают злободневности. Один из принципиальных среди них: насколько локальное «локально»? Другими словами, говоря о явлении, имеющем отношение к различным пространственно-временным формам эпизодичности, разорванности социальной реальности или, используя более метафоричный образ, к малому, как быть с его нынешней распространенностью, множественностью «отсылок»?

Коллизия данного вопроса постоянно присутствовала при работе над темой. В предисловии не хотелось бы спешить с ответом. Ведь этот раздел по-своему локален относительно книги в целом. Вместе с тем, в связи с обозначенным вопросом здесь уместно было бы сказать несколько слов в пользу выбранного жанра. Допуская лакуны, пробелы при движении от одного этапа повествования к другому, жанр эссе фактически позволяет отступать от принципа комплексности, систематичности, а поэтому представляется адекватным для феномена, подобного локальности, — многогранного и неоднозначно воспринимаемого современниками. Данный жанр разрешает выборочное освещение и субъективную интерпретацию. Он оставляет дверь в мир, о котором ведется повествование, открытой для других, приглашает к продолжению беседы тех, кого в той или иной мере заинтересовал предмет разговора.

В этих начальных строках хотелось бы сделать одно признание. Многие из звучащих на страницах данной работы голосов принадлежат людям, создавшим реальный контекст, в котором фактически и осуществлялось письмо. Я благодарна судьбе за то, что она привела меня в это пространство. Я также признательна коллегам по Институту философии РАН, друзьям и родным, которые своим душевным теплом и поддержкой подарили мне ощущение того, чем же, собственно, является для человека его частный, локальный мир, как можно его построить и разделить с другими.

ВВЕДЕНИЕ

Локальность не является социокультурным феноменом, свойственным лишь второй половине XX столетия: очевидно, что самые разные эпохи знали о неповторимости мига, уникальности того или иного места в пространстве, ценности и своеобразии фрагмента художественного произведения. Однако в кризисные для устоявшегося миропорядка периоды локальные социальные образования, процессы и соответствующие им установки обретают особую, дополнительную актуальность. Вторую половину XX века характеризует атмосфера ожидания возможных катастроф глобального масштаба (экологической, демографической, военной). Другая важнейшая особенность времени – тенденция к падению роли социальных скреп, некогда обладавших мощным интеграционным потенциалом (тоталитарные идеологии, отчасти мировые религии). Руинизация, затронувшая самые разные уровни функционирующего социума, сделала локальные формы более заметными, демонстрируя их принципиальную адекватность для самореализации социальных субъектов.

Сказанное не надо понимать так, будто при этом оказались подорваны основания любой формы целостности и единения. Объектом критического осмысления стала главным образом система представлений, господствовавшая в общественном сознании в течение последних трех столетий, а также связанные с ней формы социальной организации. Обвинения в адрес модернистского мировоззрения касаются потенциала насилия, властного контроля, содержащегося в иерархическом структурировании общественной реальности с выраженным доминированием центра и «верха»; линейно-восходящих, безальтернативных форм развития, базиру-

ющихся на апелляции к норме, идеалу; тактики насаждения тех или иных социальных рецептов в качестве всеобщих.

Отмеченные объективные обстоятельства кризиса и критического переосмысления некогда стабильной социокультурной ситуации провоцировали поиск альтернатив. При этом предпринимавшиеся шаги были нацелены не на конструирование чего-то более совершенного, а на выявление моментов органичных для существования человека в социуме, но в силу каких-то причин остававшихся без должного внимания, либо преднамеренно вытесненных, дискредитированных. Исключительная установка на должное, просчитанное, рационально обоснованное стала сменяться чутким вслушиванием в ритм жизни. Именно этот сдвиг сделал актуальным феномен локальности.

И вот мы становимся свидетелями того, как в сфере экономики весомый статус обретает мелкий предприниматель. При всей своей продуктивности и экономичности массовое производство не столь чувствительно, не так быстро и безболезненно, как мелкое, способно откликаться на меняющийся спрос или, наоборот, пробуждать его. Между тем подобная «сенситивность», делающая акцент на моменте новизны, позволяет выиграть время, что, по всей видимости, является одной из наиболее результативных установок в обществе потребления. Общественный спрос меняется скорее случайным образом, а потому плохо поддается рациональному предсказанию. Малый бизнес в этом смысле оказывается куда более адаптивным, чем крупные корпорации.

Межсубъектное взаимодействие все более определенно характеризует новая система установок в отношении социальных меньшинств. В результате демонтажа многих видов социальных иерархий, строившихся по национальному или этническому, религиозному или

половому признакам, а также в ходе распада целого ряда крупномасштабных общественных систем, на социальную арену вступили образования, ранее не имевшие на это ни прав, ни возможностей, будучи упрятаны, увязаны в сложные структуры и лишены статуса независимости, собственной социальной ниши. Субкультуры самой разной направленности при этом полностью не утрачивают свойства социальной периферийности. Однако устранение четко выраженной позиции социального центра, наделенного существенным объемом власти, способствует обретению многочисленными социальными меньшинствами статуса реальных социальных субъектов.

В общественных науках широкое распространение получает тип исследований, именуемый «case study» — предполагающий изучение главным образом конкретного случая, ситуации. Соответствующая ему исследовательская установка базируется на том, что ученый сознательно сужает фокус своего внимания, нацеливает его на частное, которое пытается, тем не менее, подвергнуть как можно более подробному и разностороннему анализу. Отдельный локус, таким образом, получает статус полноправного и независимого предмета изучения.

В области искусства утверждаются жанры, характеризующиеся композиционным сдвигом в направлении мозаичности, когда деталь, фрагмент, эпизод обретают дополнительную степень самодостаточности и динамичности. Элементы оказываются легко вычленимыми из произведения, которому они некогда принадлежали. И так же, без особого затруднения они поддаются сочетанию с теми, что имели очень непохожую историю происхождения. Реже ставится вопрос о гармоничности произведения искусства, зато чаще обращает на себя внимание необычность и смелость работ-коллажей, со-

бренных из цитат и осколков, хоть и напоминающих о своей родословной, но уже очень слабо с ней связанных.

Безусловно, «цикличность переходов от малого мира в большой, от здравомыслия к доктрине, от примата индивидуального опыта ко «всемирно-историческому» <...> и обратно воспроизводилась в европейской культуре уже несколько раз» (А.Панарин)¹.

Периодичность подобного рода, считает российский философ, восходит к древнему разделению труда землепашцев и скотоводов, в результате которого произошло размежевание двух картин мира. Ход истории всякий раз накладывал характерный отпечаток на эти два типа мировоззрения, однако сохранялись интенции того и другого. Вот как А.Панарин определяет каждый из них, описывая момент смены мировоззренческих акцентов: «Когда же банкротство «крупномасштабности» обнаруживается, когда тщета «Больших Чисел» и «Всеохватывающих Решений» становится очевидной, намечается поворот к новому стилю, возводящему в культ частное и малое, что воспринимается как возвращение человеку соразмерного ему мира или возвращение Человека в Мир»².

Несомненно, что общая тенденция актуализации феномена локальности испытывает воздействие конкретных общественно-исторических факторов. Распад соцлагеря, макродержавы СССР послужил существенным катализатором распространения в границах российского социокультурного пространства принципа локальности, будь то на уровне общественных установок или практики поведения социальных субъектов. Помимо всего прочего процессы, идущие в России, показательны тем, что сдвиги, вызванные перестройкой, касаются не только пространственного, но и временного параметра: на повестку дня вынесены вопросы как суверенитета социальных структур, так и обры-

ва, смены логики общественного развития. Российская социальная ткань оказалась ныне разорвана сразу по нескольким основаниям.

Обращение к феномену локальности представляется существенным для ориентации в современных принципах организации социальной действительности. И в то же время осмысление этого явления — предпосылка адекватного решения ряда конкретных общественных проблем сегодняшнего дня.

ПРЕДЕЛЫ И ПРЕГРАДЫ, ТРЕЩИНЫ И РАЗРЫВЫ

...Маленькое -л- ее глаго-
лов, -л- прошедшего времени
было скальпелем, потихоньку,
ласково распиливающим нашу
историю напополам, аккуратно,
чтобы не взорвалось, отделяя
прошлое одним большим ломтем
от невозможного будущего.

Максим Павлов

Объявление локальности социокультурным феноменом представляется возможным в силу ряда обстоятельств. Одно из них — свойственная реальности многоликость, будь то онтологического или гносеологического, аксиологического или эстетического порядка. Вторая половина XX в. отмечена сдвигом, в соответствии с которым плюральность становится особенно ощутимой и обретает дополнительную ценностную значимость.

Настоящий сдвиг характеризуется, в частности, тем, что истина начинает пониматься не как нечто объективно раз и навсегда данное, а как продукт человеческого сознания, меняющий свой облик в зависимости от конкретной мировоззренческой ситуации, от позиции отдельного социального субъекта. По мнению Р.Рорти, сегодня становится все очевиднее, что истину не имеет смысла искать в объективной реальности, ибо фактически истина творима человеком. «...Только предложения могут быть истинными <...> человеческие существа создают истины в процессе создания языков, в которых выражаются предложения», — пишет он³. «Дробление» истины приводит к утрате ею статуса абсолютного кри-